

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, КРИМИНАЛИСТИКА

УДК 343.114:343.156

Н. Н. МАЗИНА,
мировой судья

судебный участок № 10, г. Набережные Челны, Россия

АПЕЛЛЯЦИОННОЕ ПРОИЗВОДСТВО В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ: КОЛЛИЗИИ ПРЕДМЕТА И ПРЕДЕЛОВ ПРОВЕРКИ

Цель: методологически точное обоснование тезиса, что предмет и пределы деятельности суда апелляционной инстанции должны быть либо опосредованы исключительно заявленным интересом сторон, либо предопределены правилом эвокации – при обнаружении существенных нарушений закона.

Методы: всеобщий диалектический метод познания, в соответствии с которым изучаемые явления анализируются во взаимосвязи и взаимообусловленности, и основанные на нем общенаучные, специальные и частноправовые методы исследования.

Результаты: обосновано, что апелляция – суть средство защиты нарушенного интереса сторон, в связи с чем предмет и пределы проверки должны быть изначально поставлены в зависимость от воли сторон. Инициативный и ревизионный выход суда за пределы заявленной воли допустим лишь по правилам эвокации.

Научная новизна: впервые в российской уголовно-процессуальной доктрине поставлена проблема дифференциации в определении предмета и пределов деятельности суда в зависимости от: «неполной» апелляции, направленной лишь на проверку заявленных требований сторон, и «полной» апелляции, призванной именно к новому пересмотру всего уголовного дела. Обосновано, что, являясь исключительно средством судебной защиты, апелляция не должна повсеместно использоваться для восстановления публичной законности.

Практическая значимость: сформулированные в исследовании теоретические выводы, имея целью формирование оптимальной формы нового апелляционного производства, могут и должны быть использованы в научной, законодательской и практической судебной деятельности.

Ключевые слова: апелляционное производство; проверка приговора; пересмотр уголовного дела; ревизионное начало деятельности суда.

Введение

С 1 января 2013 г. в уголовном судопроизводстве России как данность и свершившийся юридический факт в полном объеме функционирует апелляционный порядок проверки судебных решений, нормативные основы которого определены Федеральным законом № 433-ФЗ от 29 декабря 2010 г.¹ Российской уголовно-процессуальной доктрине и практике еще предстоит

оценить оптимальность данного уголовно-процессуального института и логическую согласованность норм, определяющих его процессуальную форму. Вместе с тем уже на данном этапе видится очевидным тот факт, что законодатель не смог однозначно определиться в центральном, методологическом вопросе нового апелляционного производства: о предмете и пределах деятельности суда.

Казалось бы, для подобной постановки вопроса в принципе нет оснований, поскольку на предмет деятельности апелляционного суда прямо указывают нормы ст. 389.9 УПК РФ, требующие от указанной судебной инстанции проверки и оценки свойств законности, обоснованности и справедливости приговора (иного судебного

¹ О внесении изменений в уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации: Федеральный закон № 433-ФЗ от 29.12.2010 // Российская газета. – 2010. – 31 декабря.

акта²), обжалованного сторонами и подлежащего проверке в исследуемом процессуальном порядке.

Как видим, в названной норме предметом непосредственной проверки и оценки суда апелляционной инстанции выступает **решение** суда нижестоящей инстанции, обжалованное сторонами и требующее проверки своей правосудности. Отчасти указанный вывод находит свое подтверждение и в ч. 1 ст. 389.4 УПК РФ или, к примеру, в нормах ст. 389.15 УПК РФ. Однако в других нормах, регулирующих процессуальную форму проверки в апелляционном суде, законодатель, как выясняется, не столь однозначен в этом вопросе. К примеру, в нормах ст. 389.10 УПК РФ он апеллирует к срокам рассмотрения (в целом) **уголовного дела**. Подчеркнем, терминологически – именно рассмотрения, а не проверки, и не приговора, а в целом уголовного дела. По сути, в том же смысловом и нормативном контексте требование о рассмотрении уголовного дела идет в нормах ч. 3 ст. 389.11, ст. 389.13, ч. 1 ст. 389.14, ч. ч. 1–2 ст. 389.19, ч. 1 ст. 389.20, ст. 389.21 УПК РФ. О том, что законодатель, по сути, не видит принципиальных различий в средствах проверки приговора и рассмотрения (пересмотра по существу) в целом уголовного дела достаточно объективно свидетельствуют и нормы ст. 389.12 УПК РФ. Судя по наименованию данной статьи: речь идет именно о рассмотрении (пересмотре) уголовного дела в суде апелляционной инстанции. Тем не менее в ч. 2 ст. 389.12 УПК РФ речь уже идет о рассмотрении (надо – проверке!) не уголовного дела в целом, а именно жалобы, представления апеллятора. Различие в предмете усилий суда и средствах его познавательной деятельности при содержательном сравнении указанных норм, как представляется, очевидно. Тем не менее законодатель отстаивает свои позиции в этих принципиальных моментах. В итоге закономерны вопросы как о реальном предмете проверки суда апелляционной инстанции, так и о тождестве или различии терминов «проверка» и «рассмотрение»

(читай – пересмотр), как установленных средств к познанию указанного выше предмета.

Столь же неоднозначно в нормативном и понятийном контексте, на наш взгляд, определены пределы деятельности апелляционного суда. Являясь во многом категорией синтеза, они для правильного своего понимания требуют анализа как всей системы норм УПК РФ, так и основополагающих положений научной доктрины и закономерностей складывающейся практики апелляционного производства. И здесь методологическая ясность и точность, по сути, заканчиваются, ибо действующие уголовно-процессуальные нормы, основополагающие тезисы научной доктрины, закономерности практики реализации апелляционного производства побуждают к весьма противоречивому толкованию пределов проверки в апелляционном суде. Более того, противоречия, как ранее отмечалось, заложены в понимании самой сути и назначения исследуемого процессуального института. В одних случаях резюмируется, что суть и назначение апелляции – исключительно в проверке доводов и притязаний сторон, изложенных в апелляционном отзыве и поддерживаемых перед вышестоящим судом, в других – речь идет об апелляционном пересмотре в целом уголовного дела (причем в известном публично-правовом интересе). В-третьих, термины и понятийные ряды «проверка» и «пересмотр» применительно к одному и тому же предмету деятельности или исследования, как видим, столь легко и непринужденно «замещают» друг друга как в доводах и суждениях отдельных исследователей, так и в позициях законодателя, что складывается суждение об их тождестве в едином синонимическом ряду. Между тем последнее методологически и практически пагубно, ибо «проверка» и «пересмотр» объективно предполагают различные средства деятельности суда, качественно различный характер взаимоотношений со сторонами, различное понимание свойств законности, обоснованности и мотивированности итоговых судебных решений.

Если апелляция – суть средство защиты (обеспечения) нарушенного интереса сторон, где суд оценивает и проверяет исключительно доводы сторон (апелляторов), не вникая в иные стороны приговора или в целом уголовного дела [1], речь идет именно о проверке обжалованного судебного акта и конвенциональной правосудности пригово-

² В дальнейшем мы будем в основном апеллировать к приговору как предмету апелляционной проверки, оговариваясь применительно к иным (обжалованным) актам суда, когда это действительно необходимо для целей исследования.

ра, постановленного по итогам данной проверки в апелляционном суде. Данная конвенциональность (в виду отсутствия заявленного спора сторон по иным обстоятельствам данного дела) признается как апелляторами, так и государством и обществом, позволяя обеспечить и правовую стабильность правовых отношений, и оптимальность в использовании предоставленных средств судебной защиты.

При данной конвенциональной конструкции суд, реализуя контрольные функции в процессе апелляционной проверки, в принципе не реагирует на несущественные нарушения закона, интересов и прав заинтересованных лиц. Если последние не указаны непосредственно в апелляционном отзыве заинтересованных лиц, суд исследует лишь те документы / доказательства, к которым апеллируют стороны. Пределы познания конвенционально определены лишь интересом сторон, что в принципе исключает излишнюю активность суда в познании иных материалов уголовного дела. В связи с этим, на наш взгляд, и методологически, и практически оправданы подходы законодателя, который в нормах п. 2 ст. 389.11, ч. 2 ст. 389.12, ч. ч. 5 и 8 ст. 389.13 УПК РФ отнес именно к субъективному усмотрению апелляционного суда вопрос о легитимных средствах доказывания/познания, правомерно позволяя суду по своему усмотрению (внутреннему убеждению) дискреционно разрешать ходатайства о непосредственном вызове в судебное заседание свидетелей, экспертов и других лиц (п. 2 ч. 1 ст. 389.11 УПК), не настаивать на передопросе свидетелей, допрошенных в суде первой инстанции (ч. 5 ст. 389.13 УПК), решать вопрос об исследовании доказательств посредством использования систем видеоконференц-связи (ч. 8 ст. 389.13 УПК). Именно разумные сроки разрешения заявленного спора сторон и обеспечение оптимальной судебной защиты превалируют в данном случае в реализации «неполной» апелляционной проверки, сущность и назначение которой всецело опосредованы интересом сторон. Не поиск объективной истины, не обеспечение публичной правосудности приговора (известной единой публичной законности), а принцип целесообразности в данном случае более полно и точно соответствует состязательной форме процесса и изначальному назначению исследуемой формы судебной защиты. Достаточно естественным и

правомерным видится и то обстоятельство, что как данный приговор, так и выявленные (в дальнейшем) несущественные нарушения закона не могут быть предметом кассационного или надзорного реагирования суда. Во-первых, в силу того, что они конвенционально остались за пределами предмета апелляционного спора сторон, к разрешению которого и призван беспристрастный и независимый суд. Во-вторых, в силу того, что предмет новой кассационной и надзорной проверки (гл. 47.1 и 48.1 УПК) и, соответственно, активного реагирования суда составляют исключительно существенные (фундаментальные) нарушения закона, искажающие смысл правосудия и суть итогового судебного акта. Не менее оправдана и категория «вправе», к которой апеллирует законодатель, нормативно определяя ревизионное начало деятельности апелляционного суда (ч. 1 ст. 389.19 УПК). При состязательном строе процесса и правильном понимании апелляции, – суть средства защиты интереса сторон, – вышестоящий суд именно вправе, а не обязан ревизионно проверять в полном объеме все производство по делу. В связи с этим ни с теоретических (доктринальных), ни с нормативных позиций апелляционному суду не может быть поставлено «в вину» отсутствие реагирования на несущественные нарушения закона, которые в целом не колеблют ни суть приговора, ни социально-нормативное назначение правосудия. Это квинтэссенция состязательной формы процесса, роли и назначения суда в правосудии, призванном лишь к разрешению спора сторон, а не к активному восстановлению единой законности и исправлению всех нарушений следственных органов. Соответственно, если речь идет исключительно о проверке доводов внесенного отзыва, если дело видится правильно разрешенным и суд считает возможным реализовать упрощенные формы познания (п. 2 ч. 1 ст. 389.11, ч. 2 ст. 389.12, ч. ч. 5, 7, 8 ст. 389.13 УПК), если объективно нет оснований к реализации в полном объеме порядка рассмотрения дела по правилам суда первой инстанции, речь должна идти именно об апелляционной проверке и, соответственно, конвенциональной правосудности апелляционного приговора.

И, напротив, если апелляторы в своих притязаниях (апелляционных отзывах) настаивают на новом, полном и всестороннем рассмотрении дела по существу в суде апелляционной инстан-

ции, ставят под сомнение коренные свойства постановленного приговора, апелляционный суд объективно не вправе по своему усмотрению дискреционно решать вопрос как о непосредственном предмете, так и необходимых процессуальных средствах разрешения спора сторон. Именно цель защиты нарушенного интереса сторон, настаивающих на новом рассмотрении (пересмотре!) дела по существу, требует нового всестороннего и объективного рассмотрения дела с непосредственным исследованием доказательств, состязательной процедуры разрешения спора, реализуемой по правилам суда первой инстанции. Проверка как средство контроля объективно не в состоянии обеспечить ни реализацию указанной формы, ни судебную защиту интересов сторон, настаивающих на конституционном праве на пересмотр уголовного дела и приговора в более опытным и компетентном суде. Соответственно, речь уже идет о пересмотре (в целом) уголовного дела, а не проверке исключительно приговора. В итоге суд обязан в полной мере обеспечить это средство и, естественно, необходимые познавательные средства судебной защиты. Именно к указанной ситуации нормы п. 2 ч. 1 ст. 389.11, ч. 2 ст. 389.12, ч. ч. 5, 7, 8 ст. 389.13 УПК РФ уже не столь однозначны. При необходимости рассмотрения / пересмотра дела (в полном объеме) они явно вступают в противоречие как с задачами «полной» апелляции, так и интересом сторон в реализации полноценного процесса доказывания.

К примеру, нормы п. 2 ч. 1 ст. 389.11 УПК РФ позволяют апелляционному суду игнорировать ясно заявленное ходатайство сторон о вызове в судебное заседание (необходимых) свидетелей или специалистов. Суд субъективно оценивает обоснованность внесения такого ходатайства. Отклонение такого ходатайства лишает стороны средств законной защиты. При этом законодатель в принципе не поясняет: насколько указанное соотносится с нормами ч. 4 ст. 271 УПК РФ, согласно которым суд не вправе отказать в ходатайстве сторон о допросе свидетеля или специалиста, которые явились в суд по вызову одной из сторон. Между тем производство в суде апелляционной инстанции по буквальному смыслу закона осуществляется в порядке, установленном главами 35-39 УПК РФ (т. е. по правилам отправления правосудия в суде первой инстанции). Отметим,

что изъятий для ч. 4 ст. 271 УПК РФ в нормах апелляционного производства не установлено.

В соответствии с ч. 2 ст. 389.12 УПК РФ, «осужденному, содержащемуся под стражей и заявившему о своем желании присутствовать при рассмотрении апелляционного отзыва, по решению суда обеспечивается право участвовать в судебном заседании непосредственно либо путем использования систем видеоконференц-связи». Еще более императивно воля законодателя в этом вопросе изложена в нормах ч. 8 ст. 389.13 УПК РФ. Согласно последней, суд вправе исследовать все доказательства с использованием систем видеоконференц-связи. О воле заинтересованных лиц (сторон / апелляторов) и их праве самостоятельно определять порядок представления и исследования доказательств в состязательном судебном процессе законодатель умалчивает. Между тем исследование доказательств с использованием систем видеоконференц-связи, как постоянно отмечается в российской уголовно-процессуальной доктрине, достаточно трудно согласуется с условием устности и непосредственности деятельности суда, отправляющего правосудие, не обеспечивает оптимальности судебной защиты.

По нормам ч. 5 ст. 389.13 УПК РФ свидетели, допрошенные в суде первой инстанции, допрашиваются в апелляционном суде, если суд признает их вызов необходимым. В итоге не стороны (в своем интересе, который, по идее, признан законом), а именно суд предпринимает вопрос о значимых обстоятельствах, которые должны быть исследованы в ходе апелляционного рассмотрения уголовного дела.

В соответствии с ч. 7 ст. 389.13 УПК РФ «с согласия сторон суд апелляционной инстанции вправе рассмотреть апелляционные жалобу, представление без проверки доказательств, исследованных судом первой инстанции». В каком процессуальном порядке, на каком этапе производства по делу испрашивается указанное согласие, естественно, не поясняется. Равным образом не поясняется, требуется ли испрашивать согласие у стороны, фактически отсутствующей в зале судебного заседания, но обозначившей свой интерес в пересмотре данного дела. Между тем участие всех заинтересованных лиц (апелляторов) в заседании суда апелляционной инстанции не является обязательным в процессуальной форме нового апелляционного производства.

В итоге констатируем наличие явной и достаточно негативной коллизии между декларациями закона о том, что пересмотр уголовного дела в суде апелляционной инстанции должен быть обеспечен гарантиями суда первой инстанции (гл. 35–39 УПК) и явно дискреционными полномочиями апелляционного суда по ограничению или исключению указанных выше гарантий. Тем самым конституционное право судебной защиты, право на пересмотр приговора и дела более опытным и компетентным судом нивелировано субъективными установками законодателя по определению надлежащей процессуальной формы нового апелляционного производства (гл. 45.1 УПК).

На наш взгляд, исследуемые дискреционные полномочия суда в определении предмета и средств познавательной деятельности должны быть в принципе исключены из норм гл. 45.1 УПК РФ. Именно стороны (апелляторы) в соответствии со своим интересом должны определять круг обстоятельств, подлежащих доказыванию в апелляционном суде и необходимые средства такого доказывания, естественно, с известными юридическими последствиями, вытекающими из бремени такого доказывания. Вместе с тем и суд, имеющий своей непосредственной процессуальной задачей не столько проверку (обжалованного) судебного акта, сколько новый и всесторонний пересмотр уголовного дела, не может быть ограничен в реагировании на все выявленные нарушения закона, в использовании ревизионного начала судебного пересмотра для их устранения. Даже если стороны не апеллируют к указанным нарушениям закона или интересов и прав заинтересованных лиц, но они достаточно явны, очевидны для суда, последний обязан отреагировать на них в ревизионном порядке, обеспечив тем самым публичную законность, обоснованность и справедливость итогового судебного акта.

Полагаем, возможна третья ситуация «перехода» от апелляционной проверки приговора к апелляционному пересмотру в целом уголовного дела. На наш взгляд, тот же инициативный (ревизионный) выход суда за пределы требований сторон должен быть продиктован исключительными обстоятельствами/основаниями, которые столь явны и столь существенны (ст. 389.17 УПК), что не позволяют не только государству и обществу,

но и суду, как гаранту гражданского общества воспринимать приговор как акт правосудия. Именно существенность (фундаментальность) указанных нарушений в их причинно-следственной связи с правосудностью приговора не позволяет суду ограничиться проверкой и удовлетворением исключительно доводов и притязаний сторон, требует публичной активности и ревизионных средств деятельности в исправлении существенных нарушений закона. Определяющим для (определения) процессуальной формы деятельности суда в данном указанном случае должно стать правило эвокации [2], пока в принципе не воспринятое ни российской уголовно-процессуальной доктриной, ни практикой текущего апелляционного производства. При этом, естественно, суд более не связан ни доводами внесенного апелляционного отзыва, ни волей сторон в исследовании тех или иных доказательств. Единственное ограничение указанной эвокации достаточно известно практике реализации судебных контрольно-проверочных производств: посредством ревизионных усилий суда не может быть ухудшено положение осужденного (оправданного).

Несмотря на то, что процессуальная форма нового апелляционного производства, установленная нормами гл. 45.1 УПК РФ, в отличие от своего гражданско-процессуального аналога, не знает дифференциации на «полную» или «неполную» апелляцию, полагаем, пора определяться в этом принципиальном вопросе при условии, что мы действительно признаем, а не декларируем состязательную форму процесса, правовую определенность итоговых судебных решений, понимаем роль и назначение суда в разрешении социально-нормативного спора сторон.

Список литературы

1. Ковтун Н. Н. Апелляция, кассация и надзорное производство в уголовном процессе: общие контексты законодательных новелл от 29 декабря 2010 г. // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2011. – № 1(14). – С. 179–184.
2. Головкин Л. В. Новеллы УПК РФ: прогресс или институциональный хаос? // Апелляция, кассация, надзор: новеллы ГПК РФ, УПК РФ. Первый опыт критического осмысления / под общ. ред. Н. А. Колоколова. – М.: Юрист, 2011. – С. 42–57.

В редакцию материал поступил 29.07.13

© Мазина Н. Н., 2013

Информация об авторе

Мазина Наталья Николаевна, мировой судья, судебный участок № 10 г. Набережные Челны
Адрес: 423802, г. Набережные Челны, пос. ГЭС, 8/76
E-mail: natalya.mazina@gmail.com

Как цитировать статью: Мазина Н. Н. Апелляционное производство в уголовном процессе России: коллизии предмета и пределов проверки // Актуальные проблемы экономики и права. – 2013. – № 4 (28). – С. 267–272.

N. N. MAZINA,
magistrate

court district #10, Naberezhniye Chelny, Russia

**APPEAL PROCEDURE IN THE RUSSIAN CRIMINAL PROCEDURE:
COLLISIONS OF THE SUBJECT AND LIMITS OF CONTROL**

Objective: to methodologically precisely substantiate the thesis that the object and limits of activity of the court of appeal shall be either exclusively mediated by the declared interest of the parties or predestinated rule evocation - with detection of significant violations of the law.

Methods: universal dialectic method of knowledge, in accordance with which the studied phenomena are analyzed in interconnection and interdependence, and general, special and private law research methods based on it.

Results: it is proved that the appeal is the essence of the means of parties' legal interest protection, thus the subject and scope of verification should initially be made dependent on the will of the parties. Proactive and revisionary exceeding the declared will limits by the court can be permissible only according to the rules of evocation.

Scientific novelty: for the first time in the Russian criminal procedural doctrine the problem was set of differentiation in the definition of the court's activities subject and limits depending on: "partial" appeal, aimed solely at the verification of the claims submitted by the parties, and "full" appeal, designed precisely to the new revision of all criminal case. It is substantiated that, being exclusively a remedy, an appeal should not be commonly used for reconstruction of the public law.

Practical value: the theoretical conclusions were formulated in the study, with the objective to form the optimal form of the new appeal proceedings, which can and should be used in research, legislative and practical judicial activities.

Key words: appeal proceedings; verification of the sentence; revision of the criminal case; revisionary beginning of the court activities.

References

1. Kovtun, N. N. Apellyatsiya, kassatsiya i nadzornoe proizvodstvo v ugovnom protsesse: obshchie konteksty zakonodatel'nykh novell ot 29 dekabrya 2010 g. (Appeals, cassation and review proceedings in the criminal procedure: general contexts of legislative innovations of December 29, 2010), *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii*, 2011, No. 1(14), pp. 179–184.

2. Golovko, L. V. Novelty UPK RF: progress ili institutsional'nyi khaos? (Innovations of the Russian Criminal-Procedural Code: progress or institutional chaos?), *Apellyatsiya, kassatsiya, nadzor: novelty GPK RF, UPK RF. Pervyi opyt kriticheskogo osmysleniya*. Moscow: Yurist, 2011, pp. 42–57.

Information about the author

Mazina Nataliya Nikolayevna, magistrate, court district #10, Naberezhniye Chelny
Address: 8/76 GES settlement, 423802, г. Naberezhniye Chelny
E-mail: natalya.mazina@gmail.com

How to cite the article: Mazina N. N. Appeal procedure in the Russian criminal procedure: collisions of the subject and limits of control, *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava*, 2013, No. 4 (28), pp. 267–272.